

عمر پیام

МУДРЕЦ ИЗ НИШАПУРА

Хайяма-мудреца вино и стих бодрит,
И с нами честен он, и с Богом не хитрит.
И строго он судить не станет тех, кто ныне
О нем и за него по-русски говорит.

Во всем мире Омара Хайяма знают и чтут как поэта, автора изящных и точных по форме и глубоких по мысли рубаи, создателя знаменитого «Рубайата». Однако у себя на родине, в Иране, поэт первоначально стал известен как выдающийся ученый — астроном, математик, физик и философ. Не случайно уже при жизни поэта земляки наградили его почетными титулами «Доказательство Истины» и «Царь философов Запада и Востока», а в средневековых исторических сочинениях и ученых трактатах, упоминающих Хайяма, его именуют мудрецом (*хаким*). Очевидно, поэтому большинство сведений о Хайяме, содержащихся в средневековых источниках касается, прежде всего, его ученых занятий и карьеры придворного астролога.

Достоверными данными о творческом пути Хайяма как поэта его биографы не располагают. Даже легендарных историй, которые являлись неотъемлемой частью биографической литературы о знаменитых стихотворцах на мусульманском Востоке, о Хайяме не сохранилось. Естественно, возникает законный вопрос: считался ли вообще Хайям у себя на родине поэтом? Нет, его поэтом не признавали, хотя вообще обойти молчанием стихи средневековые историки не смогли. Однако они ограничивались скухими высказываниями типа «у него много хороших арабских и персидских стихов», «ему принадлежат всему свету известные трактаты и несравненные стихи». В то же время в исторических и биографических

сочинениях приводятся всего лишь одно большое стихотворение и шесть его четверостиший.

Таким образом, главным источником для жизнеописания поэта могут служить лишь книги, известные в Средневековье как «истории мудрецов». Вместе с поэтическими антологиями (*тазкире*) «истории мудрецов» явились разновидностью средневековой биографической литературы. Наряду с достоверными данными здесь приводились легендарные истории и анекдоты, призванные внести в сухой биографический рассказ элемент занимательности, что, впрочем, не исключало веры рассказчика и читателя в их абсолютную подлинность.

Для современных читателей Хайяма эти сведения интересны тем, что они раскрывают перед нами некоторые черты психологического облика создателя «Рубайата», дают ключи к пониманию его взаимоотношений с миром, углубляют представления о том, как оценивали личность Хайяма люди его эпохи. Используются материалы «историй мудрецов» и в предлагаемой ниже биографии Хайяма.

Омар Хайям родился в 1048-м или несколькими годами раньше в восточноиранском городе Нишапуре. О том, кто были его родители и чем занимались, никаких сведений не сохранилось. Однако литературное имя поэта — Хайям, что в переводе означает «палаточных дел мастер», — указывает на то, что будущий поэт происходил из сословия ремесленников. Впрочем, семья, как видно, располагала достаточными средствами, чтобы обеспечить способному мальчику возможность получать образование в престижных учебных заведениях того времени. Омар Хайям закончил в Нишапуре высшее духовное заведение типа семинарии (медресе), которое по тем временам считалось одним из лучших в Иране и готовило в своих стенах священнослужителей и чиновников высокого ранга. Свое образование Хайям продолжил потом в Самарканде и Балхе, крупных культурных центрах Средней Азии и Хорасана.

За годы учения Хайям овладел всеми науками, традиционно включаемыми в круг образованности средневекового мусульманина, — математикой, физикой, астрономией, философией, теософией, правоведением, а также историей, корановедением и основами стихосложения. Сохранились также свидетельства о том, что поэт был сведущ в науке врачевания и искусен в предсказаниях по звездам. В совершенстве изучив арабский язык, который являлся языком священного писания ислама, языком книжности и науки, Хайям со временем стал настоящим знатоком арабской и персидской поэзии. Увлекался поэт и изучением теории музыки.

Следует заметить, что тогдашняя система образования была построена на заучивании наизусть большого количества арабских и персидских текстов. Обладавший незаурядной памятью Хайям, чтобы усвоить такой объем знаний, был вынужден прибегать к специальной тренировке. Об этом повествуется в одной из легенд о нем. Рассказывают, что в годы своего учения Омар отправился в Исфахан, где молодого ученого привлекла возможность познакомиться с очень важным для его занятий научным трудом (поздние исследователи утверждают, что это был арабский перевод «Альмагеста», основополагающего труда древнегреческого астронома и географа Птолемея). Будучи не в состоянии приобрести ценную рукопись, Хайям решил хотя бы снять с нее копию. Историк XI века Бейхаки говорит об этом так: «...он внимательно прочел... книгу семь раз подряд и запомнил ее наизусть, а возвратившись в Нишапур, он продиктовал ее, и, когда сравнили это с подлинником, между ними не нашли большой разницы». Помимо Птолемея, Хайям изучал также научные труды Архимеда, Евклида и Аристотеля. Работы корифеев античной науки переводились на арабский язык и комментировались выдающимися мусульманскими учеными-энциклопедистами ал-Фараби, Абу Али ибн Сина (Авиценна), которого Хайям даже считал своим учителем.

Первый успех на научном поприще пришел к Хайяму в двадцатипятилетнем возрасте после написания «Трактата о доказательствах проблем алгебры и ал-мукаббалы». Это серьезное исследование поставило его в ряд выдающихся математиков того времени. Сразу же Хайям становится придворным ученым, которому оказывают покровительство правители-меценаты. До 1074 года он служит при дворе наследного принца в Бухаре, а затем получает приглашение ко двору могущественного правителя династии Сельджукидов Малик-шаха (правил в 1072–1092 гг.) в Исфахан, бывший в то время столицей персидского государства. Здесь, в Исфахане, и начинается двадцатилетний период наиболее плодотворной научной деятельности Хайяма. По настоянию шахского визиря, умного и просвещенного Низам ал-Мулка, в распоряжение Хайяма передается одна из крупнейших в средневековом мире обсерваторий — исфаханская. Здесь Хайяму с группой «лучших астрономов века» удается разработать новый календарь, в основу которого был положен тридцатитрехлетний период, включавший восемь високосных годов, которые следовали семь раз через четыре года и один раз через пять лет.

Названный в честь высочайшего покровителя маликшаховым, этот календарь отличался более высокой по сравнению с григорианским календарем точностью. К сожалению, реформа системы летоисчисления, предложенная Хайямом, так и не была проведена, а бесценные «Астрономические таблицы Малик-шаха», в которых подводится итог многолетних наблюдений его обсерватории за движением небесных тел, были безвозвратно утрачены. Не сохранился и трактат Хайяма по математике, в котором предлагался метод извлечения корней из целых чисел, а также выводилась формула, получившая впоследствии название бинома Ньютона. Считается, что в своих тогдашних работах по математике Хайям обогнал современную ему европейскую науку не менее чем на 500 лет...

Невероятно высок был авторитет Омара Хайяма и как придворного астролога. Характерный случай, доказывающий это, описывает лично знавший Хайяма Низами Арузи Самарканди, перу которого принадлежало интереснейшее дидактическое сочинение «Собрание редкостей, или Четыре беседы». В этой книге рассказывалось о четырех важнейших придворных профессиях: секретарях, астрологах, поэтах и врачах. Сведения об Омаре Хайяме включены в главу об астрологах. Автор повествует, что однажды астрологи при дворе Малик-шаха были заподозрены в том, что намеренно искажают смысл звездных предсказаний. Шах уже готов был обрушить на головы своих слуг жестокие кары, но те в качестве последнего довода стали умолять повелителя срочно послать гонца с их гороскопами «в Хорасан, к великому Омару. Что он скажет?». Упоминание имени великого звездочета смягчило сердце шаха и отвело грозу от его подданных. Тот же Низами Арузи приводит еще один пример искусства Хайяма-астролога. Однажды правитель города Мерв попросил «ходжу имама Омара» определить наиболее благоприятный час для его выезда на охоту. Хайям выполнил просьбу высокого заказчика, но когда султан сел на коня и проехал расстояние в один петушиный крик, набежала туча и поднялся снежный вихрь. Все засмеялись, и султан хотел уже повернуть назад, но ходжа имам Омар сказал: «Пусть султан успокоит сердце. Туча сейчас разойдется, и в эти пять дней не будет никакой влаги». Султан поехал дальше, и туча рассеялась, и в эти пять дней никто не видел ни облачка. Никто из окружающих Хайяма, включая и самого Низами Арузи Самарканди, очевидно, не подозревал о метеорологических познаниях Хайяма... Впрочем, достаточно характерна авторская ремарка, которой Низами Арузи Самарканди предваряет приведенный рассказ: «Хотя я был свидетелем предсказаний Доказательства Истины Омара, однако в нем самом я не видел никакой веры в предсказания по звездам».

Плодотворный во многих отношениях исфаханский период Хайяма обрывается с гибелью его главного покровителя при шахском дворе визиря Низам ал-Мулка, павшего от руки фанатика-убийцы. А при достаточно загадочных обстоятельствах вскоре умирает и султан Малик-шах. Вокруг престола Сельджукидов разворачивается ожесточенная борьба. Внимание наследников сосредоточивается на борьбе за власть, сопровождавшейся междоусобными распрями, обсерватория приходит в запустение, работы в ней прекращаются. В предисловии к одному из алгебраических трактатов (сам труд написан Хайямом еще в молодые годы) поэт горько сетует на участь «людей науки» своего времени: «...мне сильно мешали невзгоды общественной жизни. Мы были свидетелями гибели людей науки, число которых сведено сейчас к незначительной кучке, настолько же малой, сколь велики ее бедствия, на которую суровая судьба возложила большую обязанность посвятить себя в эти тяжелые времена усовершенствованию науки и научным исследованиям».

Столь откровенное высказывание нечасто встретишь в средневековых сочинениях, авторы которых в абсолютном большинстве случаев предпочитали выражать свои взгляды в иносказательной манере. Приведенные слова Хайяма могли бы послужить своеобразным эпитафием ко второй половине его жизни, полной лишений и трагического одиночества.

После смерти Малик-шаха фактической правительницей государства стала его вдова Туркан-хатун. Хотя положение Хайяма при шахском дворе стало непрочным, он еще некоторое время оставался в Исфахане, выполняя обязанности астролога и врача царицы. Однако вести работу в обсерватории без монаршего покровительства и материальной поддержки становилось все труднее. К тому же Туркан-хатун не могла простить ученому доверительных отношений с покойным визирем, которого она, видимо, недолюбливала. Таким образом, конец при-

дворной карьеры Омара был неизбежен. Биографы Хайяма связывают его с одним из эпизодов врачебной практики при дворе и относят к 1097 году. Младший сын Малик-шаха Санджар, будущий правитель сельджукидской державы, заболел ветряной оспой, и Хайям неосторожно высказал опасение за его жизнь. Один из слуг тотчас же передал одиннадцатилетнему наследнику слова лейб-медика, и царевич, истолковав их как предсказание, затаил против Хайяма злобу. По всей вероятности, неприязненное отношение царевича и послужило основной причиной отъезда ученого из Исфахана. С отъездом Хайяма город постепенно стал терять свое значение научного центра, обсерватория была закрыта, а вскоре и сама столица Сельджукидов была перенесена в Мерв.

Фактически изгнанному Хайяму не остается ничего другого, как вернуться в свой родной город Нишапур, где он и проведет остаток своих дней. Всего лишь несколько раз Хайям покинет Нишапур — в одном случае его целью станут краткие поездки в Бухару и Балх, в другом — длительное путешествие через весь Ближний Восток, паломничество в Мекку. В последние годы Хайям ведет замкнутый образ жизни. Преподавание в медресе, где он имеет свою кафедру, позволяет ему общаться с ограниченным кругом учеников. Изредка встречается с приезжающими в Нишапур учеными, еще реже снисходит до участия в философских диспутах. И только в исключительных случаях откликается на просьбы о составлении астрологических прогнозов, — по-видимому, именно о таком исключении и идет речь в свидетельстве Низами Арузи Самарканди, относящемся к 1114 году. Тогда к Хайяму обратился не слишком к нему благоволивший султан Санджар, но передал он просьбу через своего великого визиря, приходившегося внуком погибшему покровителю Хайяма Низам ал-Мулку. Из этого эпизода можно заключить, что буквально до последних дней жизни авторитет Хайяма-астролога по-прежнему оставался чрезвычайно высоким, и обратиться к нему можно было

лишь с помощью узкого круга друзей. Впрочем, для столь осторожного отношения к любым контактам с кругом сильных мира сего у Омара были все основания. В нишапурские годы к славе выдающегося ученого и мудреца он сумел прибавить славу крамольного философа — опасного вольнодумца и вероотступника, так что любой промах в общении с представителями духовной или светской власти мог стоить ему свободы и даже жизни. Свои настроения тех лет Хайям точно передал в стихах, сложенных по-арабски:

Доволен пищей я, и грубой и простою,
Но и ее добыть могу я лишь с трудом.
Все преходяще, все случайно предо мною,
Давно нет встреч, давно уж пуст мой дом.
Решили небеса в своем круговращеньи
Светила добрые все злыми заменить.
Но нет, душа моя, в словах имей терпенье,
Иль головы седой тебе не сохранить.

(Перевод Б. Розенфельда)

Философией Хайям занимался не столь углубленно, сколь точными науками, и объем его трудов в этой области невелик. Философские трактаты его немногочисленны и лаконичны — большинство из них было создано автором в ответ на просьбы разных светских и духовных лиц изложить в доступной форме ключевые вопросы мироздания и человеческого бытия. Естественно, что в этой области знаний Хайям не создал целостной концепции, однако, по отзывам специалистов, его труды отличаются строгостью научных суждений и оригинальностью догадок и гипотез. Будучи последователем Абу Али ибн Сины, в своих философских построениях Хайям в основном придерживался его системы изложения основ средневековой «царицы наук» и опирался на положения главного энциклопедического труда своего учителя — «Книги об исцелении». Любопытно, что в области научного языка Хайям выступил новатором. Он был одним

из первых философов, использовавших в своих сочинениях персидский язык. В частности, он сделал перевод с арабского одного из трактатов Абу Али ибн Сины, то есть попытался нарушить монополию арабского языка в сфере средневековой мусульманской учености и заложить основы персидской научной речи. По-видимому, ему были известны философские сочинения религиозного философа и поэта Насира Хосрова (1004 — после 1072), известного проповедника исмаилитской доктрины в иранском мире. Он являлся автором нескольких философско-религиозных трактатов, написанных на персидском языке.

В учениях восточных перипатетиков (аристотелианцев), к числу которых принадлежали и Абу Али ибн Сина и Хайям, уживались элементы разных философских систем, таких как неоплатонизм, пифагорейская мистика чисел, стоицизм и т. д. По мнению современных историков философии, Хайям по сравнению со своим предшественником Авиценной усилил материалистическую составляющую в своих теоретических построениях. Именно это послужило причиной обвинений в адрес ученого в последний период его жизни, а также позволило средневековым теологам (начиная с XIII века) причислять его к философской школе «натуралистов» (*дахри*), как называли тогда на мусульманском Востоке материалистов или атеистов. Умонастроения Хайяма-философа достаточно четко прослеживаются в его трактатах, однако сложный язык научной прозы позволял автору оставаться неуязвимым для мусульманской ортодоксии, которая всегда чувствовала в его идеях угрозу. Когда в средневековых сочинениях встречаются выпады в адрес Хайяма как человека опасного для людей веры, вероятнее всего, имеются в виду его четверостишия, в которых те же идеи выражены гораздо более ярко и открыто. Судя по всему, ученый сочинял стихи всю жизнь, адресуя их лишь самому себе и чрезвычайно узкому кругу ближайших друзей и учеников. Тому, что тайные стихотворные опыты

Хайяма в конце концов стали достоянием гласности, он, очевидно, обязан самой форме *рубайи*. Персидское четверостишие по самой своей природе предназначено для устного распространения и бытования, поэтому выдающийся отечественный востоковед Е. Э. Бертельс назвал его «одной из наиболее летучих форм персидской поэзии». Если речь идет о *рубайи*, то «утечка информации» возникает практически сама собой, поскольку, по словам того же Е. Э. Бертельса, эта поэтическая форма «выполняет в Иране до известной степени роль нашей частушки». Для своих логически выстроенных философских афоризмов и дерзких эпиграмм Хайям выбрал «простонародную» форму поэзии, которая в его время была достаточно скромно представлена среди жанров придворной поэзии. При дворе *рубайи*, как и газели, видимо, исполнялись вокально и бытовали в качестве одной из разновидностей любовной поэзии, предназначенной для увеселения и услаждения слуха. Гораздо более широкое распространение *рубайи* получили в среде мусульманских мистиков, суфиев, которые исполняли *рубайи* в ходе своих ритуалов.

В четверостишиях Хайяма в полной мере проявилось не только его мировоззрение, но и характерные черты его личности. Будучи человеком замкнутым и самоуглубленным, «скупым в сочинении книг и преподавании» (как свидетельствовал его младший современник историк Бейхаки), «имам Омар» становился невероятно резким в своих высказываниях и поступках, когда речь шла о лжи, лицемерии, несправедливости. Его дерзкого и злого языка не без причины могли опасаться, однако, пока он находился под покровительством Малик-шаха и Низам ал-Мулка, у его недоброжелателей были связаны руки. После возвращения в Нишапур, лишенный сильных покровителей, Хайям становится удобной мишенью для ревнителей ислама, у которых и его крамольные философские взгляды, и хлесткие стихи вызывали постоянное раздражение. Ироничный и неуживчивый, Хайям без колебания и страха публично высмеивал своих гонителей,

среди которых часто оказывались духовные лица высокого ранга. Вот какой рассказ передает историк XIII века Закарийя Казвини, повествуя о событиях жизни Хайяма в Нишапуре: жил в городе некий *факих*, знаток мусульманского права, пожелавший присоединиться к группе учеников Омара Хайяма. По утрам уважаемый законовед исправно посещал уроки и внимал учителю, однако в свободное от занятий время поносил своего наставника на всех перекрестках. Прослышав об этом, Омар решил проучить зарвавшегося ученика и поступил так. Однажды утром он велел собрать перед своим домом трубачей и барабанщиков. Стоило только *факиху* приблизиться к дому учителя, Хайям подал знак, чтобы трубили в трубы и били в барабаны. Когда же около дома собралась изрядная толпа, Омар обратился к горожанам с такой речью: «Нишапурцы! Вот вам ваш ученый. Он ежедневно в это время приходит ко мне и постигает у меня науку, а среди вас говорит обо мне так, как вы знаете. Если я действительно таков, как он говорит, то зачем он занимает у меня знания? Если же нет, то зачем поносит своего учителя?»

О скептическом отношении Хайяма к достоинствам духовных лиц свидетельствует еще один не лишенный ехидства анекдот, приведенный средневековым историком в качестве доказательства того, что Омар верил в переселение душ. «Рассказывают, — говорит историк, — что в Нишапуре была старая семинария (медресе), и для ее починки ослы возили кирпичи. Однажды Хайям шел с учениками по двору и увидел, что один из ослов никак не может войти внутрь. Заметив это, мудрец улыбнулся и, направившись к ослу, произнес экспромтом:

Ты ушел, но вернулся в сей мир бессловесным скотом,
Твое имя, известное прежде, меж других затерялось потом,
Твои ногти срослись воедино — копытами стали,
Борода твоя выросла сзади и стала хвостом.

(Перевод М. Рейснер)

Осел вошел, и тогда мудреца спросили, что послужило тому причиной. Омар ответил: «Дух, вошедший в тело этого осла, обитал в теле наставника этой семинарии, вот почему он не мог войти внутрь; теперь, когда он понял, что сотоварищи его узнали, сам по необходимости прошел во двор».

Однако этим забавным средневековым байкам явно будет недоставать остроты и язвительности, если сравнить их с таким четверостишием Хайяма:

Красотку шейх корил: «Пьяна совсем,
Сегодня этим бредишь, завтра — тем...»
— «Я такова, — сказала, — ты таков ли,
Каким желаешь показаться всем?»

(Перевод Ц. Бану)

Даже беглый обзор средневековых сообщений об Омаре Хайяме позволяет выявить некоторую закономерность в эволюции оценок его натуры: свидетельства Низами Арузи Самарканди и Бейхаки (1106–1174), знавших его лично, проникнуты не просто преклонением перед достоинствами великого ученого, но и чисто человеческой симпатией и восхищением; более поздние сведения, сложившиеся в форму сводных биографий и включенные в сочинения типа «историй мудрецов», отличаются сочетанием традиционных формул восхваления его учености и резко отрицательными оценками его как личности. Упоминание о таких чертах характера Хайяма, как замкнутость, скрытность и даже некоторое выскомерие, проявлявшееся в скупой и лапидарной манере сочинения и преподавания, в нежелании подробно объяснять ученикам непонятное, имеется уже у Бейхаки. Тем не менее только у поздних историков личные качества Хайяма подвергаются открытому осуждению и служат основой для обвинений в нарушении норм шариата и вероотступничестве.

Первый после Бейхаки историк, сообщающий сведения об Омаре Хайяме в своей «истории мудрецов», Му-

хаммад Шахразури начинает посвященный ему раздел такими строками: «Омар Хайям нишапурец по происхождению и рождению, он был равен Абу Али ибн Сине (Авиценна) в науках философских, но был дурного нрава, почему его менее посещали люди науки». Рассказывая о другом ученом, астрономе и механике Абу-л-Хатеме Музаффаре Исфизари (кстати, близко знакомом с Хайямом, судя по словам Низами Арузи Самарканди), тот же автор подчеркивает, что «с учениками и слушателями он был приветлив и ласков в противоположность Хайяму». При этом у Шахразури еще отсутствуют в полном объеме мотивы осуждения поступков Хайяма с точки зрения религиозной морали, хотя намек на них можно усмотреть и в одном небольшом рассказе, в котором повествуется о том, как к Хайяму явился некий ученый и задал ему вопрос, касающийся астрономии. Омар Хайям начал объяснять, но «поскупился на беседу по предмету вопроса — таков был обычай этого уважаемого старца». В это время до слуха их донесся призыв к полуденной молитве. «Пришла истина, и исчезла ложь», — сказал посетитель и встал. Притом что в анекдоте нет прямых нападок на Хайяма, тон его вполне соответствует последующим представлениям о богопротивной натуре ученого.

Ярче всего такое мнение о Хайяме отразил арабоязычный историк Джамал ад-Дин ал-Кифти (1172–1231), чье сообщение о Хайяме стало хрестоматийным и часто цитировалось. Оно гласит: «Омар ал-Хайям — имам Хорасана, ученейший своего времени, который преподает науку греков и побуждает к познанию Единого (Бога) посредством очищения плотских побуждений ради чистоты души человеческой и велит обязательно придерживаться идеальных между людьми отношений согласно греческим правилам. Позднейшие суфии обратили внимание на кое-какие внешние свойства его поэзии и это внешнее применили к своему учению и приводили в доказательство на своих собраниях и в уединенных беседах. Между тем сокровенный смысл его стихов — жаля-

щие змеи для шариата в виде множества всеохватывающих вопросов. Когда же современники очернили веру его и раскрыли те тайны, которые он скрывал, он убоился за кровь свою, взял в руки узду своего языка и пера и совершил *хадж* по причине боязни, а не по причине богобоязненности... Когда прибыл он в Багдад, поспешили к нему его единомышленники по части древней науки, но он преградил им вход преградой раскаявшегося, а не собрата по пирам. И вернулся он из паломничества в свой город, посещая утром и вечером место поклонения и скрывая тайны свои, которые неизбежно откроются. Не было ему равных в астрономии и философии — и в этих областях он стал притчей во языцех. О, если бы дарована ему была способность избегать неповиновения Господу! Есть у него разлетающиеся с быстротою птиц стихи, которые обнаруживают его тайные помыслы, не смотря на все их иносказания...»

Обвинительный тон ал-Кифти не мешает нам наслаждаться удивительной картинностью и точностью его сообщения, дающего законченное представление об атмосфере религиозной травли и страха, которая окружала Хайяма в его поздние годы. Заслуживает особого внимания тот факт, что ал-Кифти упоминает поверхностные, с его точки зрения, попытки суфиев истолковать стихи Хайяма в аллегорическом ключе. Стремление увидеть в Хайяме чистого духом искателя Божественной истины было вполне естественным, поскольку суфии активно пользовались формой *рубайи* и в своих религиозных сочинениях, и ритуальной практике. Среди четверостиший, которые традиционно включают в «Рубайат», действительно встречаются и такие, которые легко поддаются суфийской интерпретации. Тем не менее критерии объективности не позволили средневековому историку ал-Кифти признать в философе Хайяме сторонника мистического познания Бога.

Действительно, может ли считаться истинно «влюбленным в Бога» тот, о ком сложили такую легенду? Рас-

сказывают, что однажды во время дружеской пирушки на лоне природы Хайям читал свои стихи. Когда прозвучало одно из самых дерзких четверостиший, внезапно налетевший порыв ветра опрокинул кувшин, лишив сотрапезников драгоценного вина. Раздосадованный Хайям тут же сложил экспромт:

Ты налетел, Господь, как ураган:
Мне в рот горсть пыли бросил, мой стакан
Перевернул и хмель бесценный пролил...
Да кто из нас двоих сегодня пьян?

(Перевод И. Тхоржевского)

Далее легенда гласит, что Бог не выдержал такого святотатства и заставил лицо поэта почернеть. Но и это зловещее знамение не смирило дерзкого богохульника, и он ответил Небесам еще одним экспромтом:

На свете можно ли безгрешного найти?
Нам всем заказаны безгрешные пути.
Мы худо действуем, а Ты нас злом караешь,
Меж нами и Тобой различья нет почти.

(Перевод О. Румера)

Хайям, как гласит легенда, одержал верх в этом споре: он пристыдил Творца за несправедливость, и лицо его вновь обрело прежний вид.

Но это лишь народная молва, а если представить эпоху, в которую жил Хайям, во всей полноте социальной, идеологической и культурной жизни, следует считать с тем, что мистические течения, набиравшие силу внутри ислама, особенно суфизм, играли все более значительную роль в формировании моральных идеалов образованного сословия. Потаенный поэтический язык мистиков включал целый пласт жизнелюбивых мотивов и образов, которые широко использовал в своих четверостишиях и Омар Хайям. При этом вопрос об истинном смысле этих мотивов и образов в его поэзии остается открытым. Некоторые востоковеды придерживаются мнения, что

в последние годы своей жизни престарелый ученый склонился к мистическому мирозерцанию, о чем, казалось бы, прямо свидетельствует концовка одного из его поздних трактатов. Подразделив всех, кто стремится к познанию Бога, на четыре категории (ученые-богословы, философы и мудрецы, исмаилиты и суфии), Хайям признает мистический путь общения с Богом предпочтительным. В том же духе рисуется нам великий мыслитель в преддверии своей кончины. Рассказ о последних часах жизни Хайяма передает уже знакомый нам Бейхаки со слов зятя ученого. В нем говорится, что однажды во время чтения «Книги об исцелении» Абу Али ибн Сины Хайям почувствовал приближение смерти (а было ему тогда уже за восемьдесят). Остановился он в чтении на разделе, посвященном труднейшему метафизическому вопросу и озаглавленном «Единое и множественное», заложил между листов золотую зубочистку, которую держал в руке, и закрыл фолиант. Затем он позвал своих близких и учеников, сделал завещание и после этого уже не принимал ни пищи, ни питья. Исполнив молитву на сон грядущий, он положил земной поклон и, стоя на коленях, произнес: «Боже! По мере своих сил я старался познать Тебя. Прости меня! Поскольку я познал Тебя, постольку я к Тебе приблизился». С этими словами Хайям и умер.

Ранние биографы не называют точную дату его смерти, в поздних антологиях чаще всего приводится 1123 год. Существует еще один рассказ, связанный одновременно с мотивами предсказаний Хайяма-звездочета и с обстоятельствами его кончины. Эту историю поведал автор «Четырех бесед», являвшийся свидетелем и в значительной мере героем происшедшего, который, кстати, называет годом смерти Хайяма 1132-й. Вот этот эпизод: «В году 1113-м в Балхе, на улице Работорговцев, в доме Абу Сайда Джарре остановились ходжа имам Хайям и ходжа имам Музаффар Исфизари, а я присоединился к услужению им. Во время пиршества я услышал, как До-

казательство Истины Омар сказал: „Могила моя будет расположена в таком месте, где каждую весну ветерок будет осыпать меня цветами“. Меня эти слова удивили, но я знал, что такой человек не станет говорить пустых слов. Когда в году 1136-м я приехал в Нишапур, прошло уже четыре года с тех пор, как тот великий закрыл лицо свое покрывалом земли, и низкий мир осиротел без него. И для меня он был наставником. В пятницу я пошел поклониться его праху и взял с собой одного человека, чтобы он указал мне его могилу. Он привел меня на кладбище Хайре. Я повернул налево и у подножия стены, огораживающей сад, увидел его могилу. Грушевые и абрикосовые деревья свесились из этого сада и, распростерши над могилой цветущие ветви, всю могилу его скрыли под цветами. И пришли мне на память те слова, что я слышал от него в Балхе, и я разрыдался, ибо на всей поверхности земли и в странах Обитаемой четверти я не увидел бы для него более подходящего места. Бог, святой и всевышний, да уготовит ему место в райских кущах милостью своей и щедростью!» (перевод С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной).

«Самая летучая форма персидской поэзии» (Омар Хайям и традиция рубай)

Чтобы понять, сколь значительным оказался вклад Хайяма в традицию *рубайи*, надо ответить на вопрос, чем было четверостишие до него. Представляя собой одну из древнейших форм персидской поэзии, оно пришло в письменную литературу из устного народного творчества, а не было заимствованием из арабской литературы, как, например, касыда или газель.

Рубайи (иначе его называют *таране*) до сих пор является широко распространенной формой фольклорной поэзии в Иране, Афганистане, Средней Азии. В фольклоре четверостишие — это, как правило, любовный куплет,

исполняемый от лица юноши или девушки. Вот, к примеру, одно из четверостиший, записанных в Ширазе в середине нашего века:

Два яблока, два апельсина пошлю тебе
И два граната в цвет рубина пошлю тебе,
А если буду знать наверно, что держишь слово,
И сердце собственное выну, пошлю тебе.

(Перевод А. Ревича)

Встречаются также «профессиональные» четверостишия, слагаемые и передаваемые погонщиками караванов, длительное время странствующими вдали от дома. Эти стихи называются чужбинными (*гариб*) и, естественно, имеют свой устойчивый круг лирических тем, главным образом ностальгических, разлучных. Часто четверостишия, бытующие устно, складывались в большие тематические циклы, которые исполнялись под музыку как песни. В городском фольклоре четверостишие нередко использовали в шуточных перебранках и фривольных ремесленных «припевках», именуемых *шахр-ашуб* («городские смутьяны»). Мода на эту тематику постепенно проникла и в письменную литературу. В частности, цикл стихотворений в жанре *шахр-ашуб* сложил поэт Масуд Саад Салман, творивший в Северо-Западной Индии (Лахор) на рубеже XI–XII веков. Эту же тему развивала в своих стихах поэтесса Мехсити, современница Хайяма, жившая на территории нынешнего Азербайджана и воспевавшая своих возлюбленных в образах юных подмастерьев разных ремесленных цехов. Приведем одно из ее четверостиший, лишенное, правда, характерной ремесленной терминологии, зато вполне передающее дух ее поэзии:

Желанный ли гость колосок там, где рдеют тюльпаны?
На розы взглянув, любоваться шипами не стану.
Зачем же, юнец, бороною курчавой гордишься?
Пусть щеки твои будут схожи с зарею румяной.

(Перевод В. Бугаевского)

Однако той же поэтессе, героине легкомысленных и фривольных литературных анекдотов, приписывались и четверостишия совершенно в духе Хайяма. Вот одно из них:

Ты спяна выронил кувшин вчера из рук,
О камень грохнувшись, заговорил он вдруг:
— Стал грудой черепков в единый миг, хоть я
Таким же, как и ты, был только что, мой друг.

(Перевод В. Бугаевского)

Приведенный пример свидетельствует лишь о том, что *рубайи* Хайяма благодаря быстроте устного распространения стали популярными и вызвали массу подражаний еще при его жизни. Именно это в немалой степени способствовало возникновению такого литературного явления, как «странствующие» четверостишия. На столь редкий в письменной авторской поэзии феномен обратил внимание один из первых русских исследователей творчества Хайяма В. А. Жуковский. Ученый обнаружил большую группу четверостиший, включаемых средневековыми переписчиками не только в «Рубайат» Хайяма, но и в собрания стихов других поэтов, среди которых были как предшественники, так и те, кто жил позже его. Таким образом, очертить реальные границы творчества самого Хайяма с помощью апробированных методов текстологического анализа оказалось практически невозможно. Тем не менее специалисты не оставляют попыток выделить подлинное авторское ядро «Рубайата», хотя и количество, и состав четверостиший в разных рукописях колеблется в достаточно широких пределах.

И все же есть во всей тематической и жанровой разногласии, объединенной именем Хайяма, довольно узкий круг четверостиший, изумляющих своей предельной логической точностью, философской весомостью, мрачной и дерзкой иронией. В этих стихах, как бы помеченных одной печатью, поэтический почерк Хайя-

ма, крамольного философа, скептика и богоборца, неповторим и узнаваем. Эти стихи — спор с Богом о разумности и справедливости мироустройства, спор, который бесстрашный ученый, вечно сомневающийся и бунтующий, вел всю свою жизнь. Хайям насыщает народную песенную форму несвойственными ей ранее темами рефлексивной лирики, характерными для иных видов поэзии.

Омар Хайям не был единственным поэтом, задававшим себе и небу мучительные вопросы, однако он, по видимому, был первооткрывателем этой темы в *рубайи*, освоившим крошечное замкнутое пространство четырех строк для разговора с Богом о месте человека во вселенной. Среди очевидных предшественников Хайяма, подвергавших философскому сомнению религиозные истины, следует назвать гениального арабского поэта-мыслителя Абу-л-Ала ал-Маари (973–1057), со стихами которого его персидский собрат по перу, скорее всего, был знаком. Ал-Маари творил на другом языке, в иных поэтических формах, но его волновали те же коренные философские и религиозные проблемы: Божественное предопределение и свобода воли человека, грех и воздаяние, бренность земного бытия и бессмертие души.

Достаточно прочитать лишь одно стихотворение, чтобы уловить знакомые нам по хайямовским четверостишиям нотки скепсиса и недоумения по поводу вселенских законов бытия, которые принято полагать изначально разумными и справедливыми, как все созданное Творцом:

Если воли свободной преступник лишен,
То его не по праву карает закон.

Вседержитель, когда Он руду создавал,
Знал, что эта руда превратится в металл.

Чем убийца коня подковал? Из чего
Меч, румяный от крови, в руках у него?

Ты на пламень сомнений летишь — не спеши!
Опасайся пожара смятенной души!

(Перевод А. Тарковского)

По части «смятения души» с ал-Маари вполне мог по-
состязаться еще один выдающийся поэт-философ, оста-
вивший глубокий след в литературе на персидском языке.
Это уже упоминавшийся Насир Хосров, поэт, философ,
проповедник исмаилитской религиозно-философской док-
трины. Результаты его миссионерской деятельности сре-
ди народов, населявших Памир, таковы, что там его до
сих пор почитают как пророка. Его стихи, ставшие риту-
альными текстами, читаются во время важнейших свя-
щеннодействий и обрядов. Ярый сторонник исмаилизма,
Насир Хосров был по натуре мыслителем не меньше, чем
религиозным деятелем, и постоянно пытался подверг-
нуть основы веры проверке доводами разума и опыта. На-
талкиваясь на стену противоречий, он обращался с моль-
бою к Господу просветить его несовершенный ум, но по-
лучалась у него на деле нескончаемая череда бунтарских
вопросов, остававшихся без ответа:

Если созданы мы только для молитв —
Для чего Ты создал дьявола, Господь?
Много слов для разговора я припас —
Страху все же не могу я побороть.

Не могу в своем неверии принять
От подвижников невежественных весть.
Слово разума я только признаю:
Перл — в жемчужных только раковинах есть...

Если создал Ты хороших и дурных,
В наказаньях и наградах смысла нет.
Безупречных Ты иметь желаешь слуг?
Нас, плохих, зачем Ты выпустил на свет?

По природе я — железная руда:
Содержать в себе алмазы не могу.

Омар Хайям

О 57 Рубаи / Омар Хайям ; пер. К. Бальмонта, Ц. Бану, В. Державина и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-15050-8

Великий поэт и выдающийся ученый Омар Хайям родился в городе Нишапуре в 1048 году. Его перу принадлежит ряд трудов по философии, астрономии и математике, причем в области математики он на несколько веков опередил своих современников. Сегодня научные труды Хайяма известны в основном лишь специалистам по истории науки. Всемирную же славу Омару Хайяму принесли его четверостишия-рубаи, лирический герой которых пытается понять мироздание, постигнуть природу человека и Бога.

УДК 821.222.1
ББК 84(0)4

Литературно-художественное издание

ОМАР ХАЙЯМ
РУБАИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Лариса Ершова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.11.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AKB-23425-01-R